Раздался звук ручки, упавшей на деревянный пол.

После этого мозг Айсель включился как по сигналу.

Сначала она ощутила боль в шее из-за неудобного положения тела. Голова была наклонена вниз и захотелось потереть затекшие позвонки, но рука почему-то не хотела двигаться. С усилием прогоняя сонливость, Айсель приоткрыла глаза. Перед ней оказались покрытые беловатой юбкой коленки. Она сидела на стуле, а руки… привязаны к подлокотникам.

На осознание, где находится, ушло пару мгновений, и Айсель вскинула голову, резко втянув воздух.

Она не поняла, что потеряла сознание, уснула или что ещё. Вот она упала на колени и мысленно билась от ломки, потом она моргнула, и вот уже здесь — в медицинской палате, сидит лицом к кровати.

Она не была в сознании долгое время, но для неё это — просто мгновение.

«Постойте. А почему я связана?» — она была настолько увлечена причиной недуга, что даже если заметила, то не сразу отреагировала на эту странность.

С осознанием того, что не можешь пошевелить ни ногами, ни руками, в душе появился дискомфорт и волнение. Верёвки держали крепко и не давали сдвинуться с места.

Айсель попробовала напрячь руки, но казалось, что путы лишь сильнее затягивались на запястьях.

— Ты очнулась! Проспала целые сутки, надо же.

Этот голос принадлежал учителю Монэ. Он был навеселе и раздался сзади, что мигом заставило всё тело Айсель напрячься.

Ладони нервозно сжались в кулаки, слыша то, как он молча приближается к ней.

— Почему я связана? — спросила она твёрдо, но когда упитанный Монэ резко предстал перед ней, сердце всё же дрогнуло.

— У тебя был беспокойный сон, так что ради твоей безопасности я связал тебя.

Его сменившееся за секунду выражение лица должно было показаться дружелюбным, но вместо этого Айсель увидела мерзкую ухмылку, маниакальную ауру и услышала противно

наигранный сладкий голос.

«Чёрт. Неужели в мире существует кто-то, кто поверит этим словам?» — подумала про себя она, но решила всё же не провоцировать его.

— Вот оно что. Спасибо, теперь я проснулась и чувствую себя гораздо лучше, так что можете развязыва-

— Ну что ты, — наклонившись к ней, он схватился обоими руками за верхние края стула. Его тень полностью накрыла её. — тебе следует сначала поесть.

Монэ немного выпрямился и напряг руки.

Спина Айсель покрылась холодными мурашками, когда он сначала приподнял, а потом резко повернул стул вместе с ней в другую сторону и со стуком «приземлил».

Перед глазами предстала остальная, бóльшая часть кабинета медсестры: письменный стол прижат к середине стены, перед ним стул, а перед ними, на полу лежали… две старые металлические собачьи миски.

В одной была мутная вода, в другой — бульон странного цвета, в котором плавал заплесневелый чёрствый хлеб.

Где-то рядом валялась ручка, из-за падения которой Айсель и очнулась.

Младшая Виссарион мгновенно почувствовала, как тревога овладевает всем её телом. Поэтому зеленоволосая как можно незаметно глубоко вздохнула, предварительно морально подготавливаясь к тому, что будет происходить дальше.

Мужчина в под прыжку направился в сторону мисок, наклонился и, подхватив ту, в которой была «еда», подошел к Айсель.

— Ты же не откажешься попробовать то, что я сам лично для тебя приготовил, верно? Ну же, — ласково и заботливо лепетал учитель.

Перед серыми глазами появилась ложка с бульоном, если можно вообще его таковым называть.

В нос ударил вонючий запах сравнимый с мокрым мусором, что не выбрасывали в течении нескольких суток.

— Мгх!.. — Ощутив тошноту, Айсель резко мотнула головой в левую сторону. Она едва смогла остановить желчь, поднимавшуюся вверх по горлу.

«Да он просто поехавшее головой существо!»

— Разве это Ваша обязанность? — сумев перебороть себя, Айсель посмотрела на него, — Позовите медсестру или одного из помощников, пусть они меня покормят. Вы и так много сделали.

— А ты не знала? ~ Медсестра вышла в отпуск, и я, кто более-менее знает о медицине, взялся заменить её. Так что всё хорошо, — он широко улыбнулся, не подозревая о том, что внешне спокойная Айсель сейчас внутреннее ужасалась.

Кабинет медсестры находится в самом дальнем месте. Он непримечателен, и в основном «посетителей» здесь нет.

Идеальное место для Монэ. И хотя она пока не знает точной его цели, но подозрения имеются.

— Не волнуйся, может выглядит это не очень, но на вкус оно, просто волшебно!

Он снова протянул ложку с ужасной смесью. Целился в рот, но Виссарион дёрнулась и ложка ткнулась в правую щёку, выплеснув содержимое на одежду и кожу.

— Не хочешь? А если я скажу, что там наркотик, по которому ты сходила с ума на уроке танцев? — тон голоса сменился на самодовольный.

Серые зрачки на секунду расширились. Айсель почувствовала, как её глаза налились кровью.

— Убери это нахер отсюда! — в её крике просочилась злость.

Унизительно. Она чувствует себя куском дерьма, ведь позволила себе докатиться до такого. И даже если это не зависело от неё, это не её вина, она ненавидит себя за то, что оказалась недостаточно сильной волей для того, чтобы побороть последствие.

«В следующий раз я смогу. Я должна отвыкнуть от наркотика» — подумала про себя Айсель, с другой стороны осознавая, что это будет трудно.

Жирдяй Монэ замер. Его лицо на мгновение выглядело шокированным тем, что он услышал от неё плохое слово.

— Очень жаль, — мужчина наконец убрал от её лица ложку и «еду», что вызывала дурноту

одним лишь видом.

Когда Айсель первый раз пропустила его урок, он не придал этому особого значения.

Имея довольно-таки длительный опыт работы в Академии, Монэ понимал, что хоть одна или две ученицы могут пропустить его лекции из-за каких-то обстоятельств. Но чтобы после этого они отказывались от чая по разной причине и без — редкость.

Он делал всё для того, чтобы понравится студенткам. Даже с непослушными и капризными леди находил общий язык. Так что никто не брезгал чаем и вкусностями, приготовленными им.

То ли из вежливости, то ли из уважения, или же просто из доверия и благосклонности к нему, девушки начинали участвовать в мини-чаепитиях, а заканчивали уже… по-разному, не завидно.

Он подсаживает учениц на наркотики, подсыпает сначала малую, а потом и большую дозу в чай, и когда они выпускаются, то уже зависимые.

На втором курсе Монэ им не преподаёт, но ученицы всё равно регулярно посещают его ради «того самого чая, от которого им так хорошо». Затем, уже после выпуска, когда они приходят к нему чтобы узнать откуда достать тот вкуснейший чай, он ласково раскрывает все карты.

Конечно, по началу девушки шокированы и разочарованы, но ничего с собой поделать не смогут, ведь уже зависимы от наркотиков. Так что, им ничего не остаётся кроме как покупать наркотик у него.

Раз купили, два купили, на третий раз считают, что этого не достаточно. Ненасытные дамы будут желать раз за разом увеличивать дозы, и когда они на пике кайфа, Монэ с лёгкостью продаёт их тела. Это в силе даже если леди маленькая — Всё зависит от клиента. В таком случае он просто накачает её большей дозой.

Шикарный бизнес. Девушки быстрее становятся зависимыми от алкоголя и наркотиков, и в отличии от мужчин, их вылечить от этого почти нельзя. Зачастую их сила воли слабее, и они не могут перебороть себя. Именно поэтому, с раннего возраста Монэ делает их зависимыми от этого, представляя себя как хорошего человека, «всего лишь желающего принести им немного счастья», а потом, как только они подрастают и не могут без этого, он ненадолго продаёт их.

И всего у единиц не получалось влиться в его стадо, над которым он имел и имеет власть.

В таком случае, он либо убивал их, подстраивая всё под несчастный случай, либо насильно также делал зависимыми.

И Монэ уже решил, какой способ применит к Айсель.

Конечно же, были и такие, которым он не подсыпал наркотик в чай. Этих нескольких определял он методом тыка, или же смотрел по статусу.

«Ходят слухи, что Императору на неё плевать. Он любит больше свою старшую дочь, так что всё должно быть в порядке, пока я не трогаю её»

Его рука коснулась чехла на поясе штанов. Щёлкнула заклёпка на коже. Пальцы обхватили изогнутую чёрную рукоять, и на свет показался кинжал.

Он перевёл довольный взгляд на Айсель, ожидая насладиться её страхом, но вспыхнул подобно спичке, встречаясь с ничего не отражающим лицом.

Такое наглое, безэмоциональное, из-за чего и бесячее, лицо!

Мужчина резко перерезал веревки, связывающие её руки, после чего с бешеными глазами, с размаху хлестнул ладонью по её лицу.

От удара голова мотнулась в сторону и вместе со стулом она повалилась на пол.

Он положил кинжал обратно.

Перед глазами Айсель все потемнело, и она сама не заметила, как была несколько секунд не в состоянии сделать даже один вдох.

Она осторожно притронулась к щеке, отчего острая боль пронеслась по каждому сантиметру кожи. На красивом лице виднелось последствие недовольства Монэ.

Недостаточно. Эта бледная кожа должна быть вся в синяках. Она должна обливаться слезами и молить его о пощаде. Ему хочется почувствовать это, увидеть что она в его власти.

— Очень жаль, что ты такая тупая. — говоря противным голосом, он опустился к Айсель и стал шептать ей на ухо, вызывая отвращение одним своим дыханием: — Будь уверена, через некоторое время ты мне обувь будешь облизывать в надежде, что я дам тебе хоть грамм наркотика и не важно, будет он в собачьем дерьме или нет.

Айсель прикусила губу. Она умоляла себя в мыслях успокоится, но её сердце бешено колотилось. В таком состоянии у неё нет и шанса хоть что-нибудь сколдовать.

Она подняла свою голову и уставилась на него.

— Пасть закрыл.

Жуткий озноб вмиг пронзил тело Монэ. Но затем он дрогнул от того, что позволил себе испугаться эту мелкую.

Его короткие пальцы скользнули по её руке вверх, касаясь запястья, локтя и узкого плеча, пока, наконец, с силой не сжались на тонком горле.

Айсель попыталась воспротивится, но девятилетнее тело явно уступало в физической силе.

— Кажется до тебя не дошло, в какой ты ситуации оказалась, — мужчина хмыкнул и ещё сильнее сжал горло Виссарион, вынуждая её вцепиться ногтями в его руку.

Его лицо расплылось в самодовольствии, и Айсель резко опустила свои руки. Она поняла, как он её отпустит.

— Можешь убить меня, мне плевать. — совершенно отрешённый голос и пофигистичный взгляд.

Лицо покраснело от нехватки кислорода и в глазах начинало всё плыть. Ещё чуть-чуть и Айсель бы потеряла сознание, если бы Монэ не швырнул её на пол.

— Ха-ха! Ты правда думала, что я дам тебе так просто умереть?! — истеричный смех. Он считает себя умным, хотя не понял, что только что его одурачили. — Знаешь что мне мешает это сделать? Наслаждение. Убить тебя можно в любой момент, но вот ломать твою гордость и наблюдать за тем как ты сама ломаешься… м-м, одно удовольствие. Приятно смотреть на то, как сильный человек становится жалким пресмыкающимся. И осознавать, что это ты сделал, ощутить власть.

«Неполноценный кусок жира» — цокнула в мыслях с презрением Айсель.

Но она не чувствовала полной уверенности в себе.

Умом она понимает, что нужно перебороть зависимость, но в сердце подкрадываются сомнения: сможет ли она пережить ещё одну ломку? Сможет ли привыкнуть к ней? Сумеет ли на этот раз сдержать желание?

Её отрешённый взгляд, что бывает когда она в мыслях, вместо ожидаемого мужчиной животного страха, ещё больше стал раздражать.

Он готов поклясться, что руки чешутся от желания убить её, но он хочет нечто большее.

— Хм? Я тут вспомнил, когда тогда одна из учениц разлила на тебя чай, то просветилось у тебя кружевное бельишко, или… — похабная улыбка и недобрые искорки в глазах Монэ появились

почти одновременно.

Айсель напряглась и тут же сжала ткань юбки, всем своим видом показывая готовность сражаться.

И через мгновение, раздался звонок.

В других обстоятельствах Айсель бы назвала этот звонок противным, но сейчас он был как спасение.

— О, мне пора. — Лицо мужчины сменилось на доброе. — Как жаль, да? Но не волнуйся, я проведаю тебя после уроков.

Он улыбнулся так широко, как только мог, и быстро вышел из комнаты.

Айсель почти моментально кинулась к двери, что была по правую сторону письменного стола, но Монэ сразу же запер её.

Повернувшись спиной к двери, Виссарион вздохнула…

«Стойте. Он сказал, что я спала один день и что проведает меня после уроков, значит сейчас должно быть утро. Тогда почему так темно?»

Айсель внимательно провела взглядом медкабинет и всё поняла.

Окно. Оно перекрыто по видимому очень плотной тканью чёрного цвета.

«Ещё бы бабушкин ковёр повешали туда» — закатила глаза она.

Когда здесь была медсестра, такого не было. Значит, это всё Монэ.

Сероглазая опустила голову и взялась собирать раньше белую, теперь же испачканную юбку.

Стоило только ткани на левой ноге задраться выше бедра, как показался ремешок с чехлом, внутри которого находился кинжал с синей рукоятью.

«Кружевное белье у девятилетки… ха-ха, да-да»

Но если бы в ином случае её спросили по этому поводу, она бы соврала, что так и есть. Ведь никакого оружия, помимо учебного, нельзя брать с собой в академию, а Айсель ослушалась,

вернула обратно свой кинжал, выкрав его у одной из воспитательниц.

Усмехнувшись про себя, Виссарион обнажила кинжал и подошла к окну.

Двери закрыты, что значит новый выход — окно.

Медкабинет девушек находится на третьем этаже и окно смотрит прямо на небольшую, тихую и зелёную местность.

«Ну, лучше сломанная нога или рука, чем жизнь» — думала Айсель, у которой уже понемногу стихала боль в теле от ударов Монэ.

Она уже занесла над собой лезвие, чтобы пронзить ткань, мешающую свету, как почувствовала на себе взгляды и повернула голову в ту сторону.

Её глаза зацепились на миски с вонючей едой и водой.

Если там есть наркотик, значит неважно как выглядит и пахнет то, что им покрыто, верно? Итог ведь один — от него получишь наслаждение. Чувство эйфории, безопасности.

Айсель медленно опустила кинжал, не отводя взгляд от мисок.

Она простояла так минуту. Затем быстро положила кинжал обратно, подбежала к мискам и упала перед ними на колени.

Когда она ещё почувствует себя так хорошо? Этот мир трудный, всё геморно и никакого отдыха. А ведь, как же хочется забыть проблемы и просто отдохнуть.

Айсель зачерпнула ложкой вонючую жидкость.

Может быть, только на этот раз поддастся этому? Всего один раз. Последний раз почувствовать это приятное чувство…

Она внезапно дрогнула, зрачки на секунду расширились. Содержимое ложки расплескалось на пол и немного на одежду, но она не отвела от него взгляд.

На застывшем лице, застывших серых глазах стали накапливаться слёзы.

—…да что я… творю…

А сердце бьётся словно бешеное, разрывается и желает получить наслаждение.

Маленькие слезинки скатились по её щекам. Почувствовав соленую жидкость на губах, она прикрыла глаза, ненадолго притихла, после чего взбешённо закричала, задирая голову.

Она швырнула ложку, яростно перевернула эти чёртовы миски.

Её губы поджались и задрожали. Жгучие тяжёлые слезы вновь засилили взгляд, и буквально через минуту она громко взревела и схватилась за волосы, уже не сдерживая слез.

Тошнотворная волна отчаяния так захлестнула Айсель, что ей мерещилось, будто она тонет.

«Почему?! Почему ты должна проходить через это?! Почему должна отказываться от этого приятного чувства, счастья, зная, что вряд ли испытаешь такое вообще ещё когда-либо?! Побудь хоть недолго счастливой!» — кричало сердце.

«Нельзя. Нельзя! Не иди на его поводу, иначе Монэ будет прав, иначе тебе настанет конец! Даже если ты будешь несчастна, ты должна идти по правильному пути!» — твердил ум.

Она разрывалась на две части. Всё внутри боролось и кипело.

Айсель, охваченная новой волной слез, стала биться кулаками о пол, пытаясь себя успокоить. Белые зрачки постепенно расширялись и дышать было уже практически невозможно.

… Нет. Она точно в таком состоянии не сможет сбежать. Для начала ей нужно успокоиться и прийти в себя.

Успокоится… хах, ха-хах…

*

*

*

Когда даже только речь зашла о Академии, Лавини сразу поняла, что должна будет сделать.

Занять должное место в будущем обществе. Иметь там авторитет, уважение к себе, и много разных связей, которыми когда-то можно будет воспользоваться.

Именно поэтому она решила быть одиночкой, не вступать в какие-то группы, а дружить со всеми. Ведь так, она сможет использовать гораздо больше людей.

— К-как сестричка Айсель заболела?.. — шокированно уставилась на учителя Монэ блондинка.

С одной стороны она строит из себя хорошую старшую сестру, но с другой… даже немного приятно. Потому что, в то время пока Айсель будет валятся в больничной кровати, она будет укреплять связи и в случай, если младшенькая всё же решит сделать ей больно, очень много людей не позволят ей этого.

— Не волнуйтесь, леди Лавини. — ободряюще улыбнулся Монэ. — Скорее всего, переутомление также подействовало на неё, поэтому она так серьёзно заболела. Будет лучше, если никто не будет её беспокоить. Это для вашего здоровья также может быть опасно…

Мужчина украдкой взглянул на учительницу Уолис, на перемене урока которой и пришёл для того, чтобы никаких лишних вопросов не возникало. Пожилая женщина заметила его взгляд и кивнула.

— Хорошо, я прослежу за тем, чтобы никто не беспокоил леди Айсель.

Остальным ученицам не оставалось сделать ничего кроме как посочувствовать или позавидовать белой завистью девушке.

Пока они вздыхали, в бальный стали проходить юноши.

Извинившись за беспокойство, Монэ стал покидать помещение.

Он и Ансель прошли мимо друг друга, вскользь встретившись взглядами.

Последний обернулся, несколько секунд застыв наблюдал за отдаляющейся крупной спиной.

— Привет, Лавини! Не знаешь что с Айсель? Как она там? — послышался голос брата.

Ансель повернулся и подошел к Лавини и напротив стоящего неё Лаксуса. По его глазам было видно, что он обеспокоен.

— Айсель болеет. Нам сказали, что это серьезно и может быть заразно, так что лучше не проведывать её. — ответила старшая сестра с толикой грусти.

— Ох, Лавини! — подбежали несколько одноклассниц к девушке. Они были чем-то приятно взволнованы, но стоило только увидеть лица братьев, как их щёки вспыхнули, а глаза отвелись

в сторону.

— П-простите, что прерываю, но вечеринка твоя сегодня правда в силе? — спросила одна из них, в то время как Ансель краем глаза заметил Энея, наблюдавшего за ними со стороны.

Светловолосая улыбнулась.

— Да, конечно! Я смогла уговорить учителей на это, так что всё в порядке.

Быстренько радостно кивнув, небольшая группа одноклассниц мгновенно рассеялась.

Лаксус недовольно нахмурился. Он уже собирался заговорить с сестрой с негативом, но в последний момент все же решил проглотить раздражение.

— Хэй, Лавини, тебе не кажется это немного… неприятным и неправильным? — спросил он.

— О чём ты? — резко выкинула она, словно обороняясь.

— Айсель больна, ей плохо, а ты вместо того чтобы поддержать или хотя бы раз проведать её, собираешься веселиться. Это неправильно! — Лаксус заговорил увереннее и даже не заметил, как повысил голос.

Лавини это задело. Она всегда старалась быть нейтральной, не обращать внимания на братьев. Но даже если так, почему они становятся такими несправедливыми по отношению к ней? Ведь раньше, как бы она с ними себя не вела, они, особенно Лаксус, тепло относились к ней.

Ни Ансель, ни Лаксус ей особо не были нужны, но они всегда вели себя хорошо с ней и сейчас, когда они так не делают, становится обидно.

Старшая Виссарион тихо сглотнула.

— Я же сказала, что её не разрешают проведать, — процедила сквозь зубы.

Да разве Айсель лучше неё настолько, что они ради неё, отчитывают её? Эта сероглазая ведь с ними даже и семи лет не прожила, не говоря уже о том, что на лице не увидишь хотя бы намёка на улыбку. Так за что же они так её полюбили?

— «Проведать» можно и по другому — написать письмо к примеру. — старался успокоиться блондин, но всё равно продолжал говорить эмоционально, — Ха-а-а, хотя знаешь, если бы она тебе была дорога, ты бы сама додумалась до всего этого! Пусть я и не понимаю почему, но не буду тебя за это судить, потому что мы все разные.

— М?

— Лавини…

Юхим с Хелианом разозлились, увидев состояние своей подруги. Они не знают, какой у них там разговор, но в любом случае Лавини не должны обижать.

— Что здесь происхо… — собирались вмешаться они с ожесточёнными голосами, но кто-то положил свои руки на их плечи.

Они обернулись.

— Юхим, Хелиан, наконец-то я вас нашёл! Учитель по фехтованию срочно вызывает вас двоих к себе. — Эней источал вежливость и безобидность.

— Хорошо. Сейчас будем, — ответил за обоих Хелиан, и пришёл в недоумение, когда Эней стал внимательно смотреть по сторонам.

— ? Ты кого ищешь? — спросил Юхим.

— Того, кто спрашивал ваше мнение. — юноши неосознанно дрогнули. Беловолосый кивнул в сторону выхода из зала, — Будет плохо, если вы не вернётесь до конца перемены. Поспешите.

Он выглядел всё таким же милым пареньком, да только атмосфера вокруг него была угрожающая и устрашала.

«Так вот почему никто не осмелился над ним издеваться…» — дошло до Хелиана.

«Спасибо, что не дал им вмешаться» — поблагодарил в мыслях Энея Ансель, улавливая то, как беловолосый в компании друга и жениха Лавини, выходят из зала. А после них и учительница Уолис.

— Она дорога мне! — не выдержав выкрикнула Лавини.

Ложь. Не может же она перед всеми признаться, что не любит сестру. Осудят, не поймут и её личность доброй старшей сестры для других развеется, как мираж.

Многим ученикам не было никакого дела до семейных разборок, но те, кому это было интересно, так и ожидали того, что же будет происходить дальше.

— Но я не понимаю, что с того, что она больна? Эта вечеринка ведь не в честь Айсель, чтобы

это расстроило как-то её! — а на краю глаз уже появились слёзы.

Лаксус в гневе нахмурился.

— Лаксус. — остановил его рукой брат. Ансель смотрел на сестру спокойным выражением лица. — Хорошо, я поясню тебе. Представь, что ты очень больна, а мы… нет, отец ни разу тебя не навещает, не обращает на это внимания и устраивает вечеринку. Как ты себя будешь чувствовать?

Лавини несколько раз моргнула, опустила голову.

— Как будто меня предали и я никому не нужна… — пальцы сжали подол платья, и она заговорила громче: — Но причём тут это? Мы разные. Айсель всё равно. Ей всё равно на вас и на всех!

Зрачки братьев расширились. Их словно холодной водой облили.

— Хах, неужели вы это ещё не поняли?.. Вы не знали?! Она играет с вами, как с куклами, а вы повелись на эти трюки!

Верно. Вот почему они за Айсель. Лавини выбрала управлять Императором, Айсель же подобрала этих.

— Айсель не умеет чувствовать, она глыба льда, эгоистка, ставит себя выше других!

Внезапно раздались ужасающие раскаты грома и молний.

Страх окутал всё сердце светловолосой. Она, с замершим дыханием, медленно подняла глаза на братьев.

Злобный взгляд Анселя тут же стал душить, Лаксус же, объятый своей магией, как будто собирался сделать шаг и убить её.

— Да что ты о ней знаешь?! Только врать и можешь! — вспыхнул блондин с жилкой у виска.

— В отличии от тебя, она не закрывала глаза, когда видела, что нам плохо. Она помогла нам намного больше, чем мы ей. Так что закрой, пожалуйста, рот. — от ледяного, грубого голоса Анселя захотелось забиться в угол.

«Если, если бы только папа был здесь…» — Пронеслось в голове у той, что посчитала себя униженной больше всех на свете.

— Что случилось? Я вышла всего лишь на несколько минут! — стал слышаться голос учительницы Уолис, уже приближающейся к залу.

— …Пойдём, Лаксус.

— Да. — кивнул младший, рассеивая магию и следуя за старшим братом.

— Вас уже и одних оставить нельзя?! — была недовольна Уолис.

*

*

*

«Это было близко» — подумал Эней, еле успевший спрятаться за углом и не попавшийся на глаза разъярённой учительницы танцев.

Отводя Юхима и Хелиана, он удостоверился в том, чтобы они освободились не раньше как под конец урока. Ну так, на всякий случай.

Поначалу юноша собирался просто вернуться обратно в зал, но затем передумал.

Как он услышал, Айсель тяжело больна. Ещё, насколько ему известно, их медсестра вышла в отпуск, её заменяет учитель «слова», но он всё же не так хорош.

В таком случае, будет лучше позвать медика мальчиков, чтобы он осмотрел её и прописал нужное, правильное лечение.

Но это против правил Академии, поэтому медик вряд ли согласится только потому, что он так захотел.

Эней задумался.

«С кем наш медик общается чаще всего?»

… С учителем Рубо.

Отлично. Эней и учитель Рубо поладили на почве алхимии, так что можно будет уговорить его, чтобы он попросил медика.

http://tl.rulate.ru/book/73148/2016643